
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

M.V. Demidova
**Models of Symbolic Capital
Management**

The peculiarities of symbolic capital functioning at the institutional and habit levels are analyzed. The article identifies social and epistemological status and dynamic nature of the symbolic capital strategy, which define formal and informal character of social norms. The author's models of symbolic capital management – institutional, habit, and mixed – are presented.

Key words and word-combinations: Pierre Bourdieu, symbolic capital, management, models, social risk, habit, institution.

Проанализирована специфика функционирования символического капитала на институциональном и габитусном уровнях. Выявлены социально-эпистемологический статус и динамичность стратегии символического капитала, определяющие формальный и неформальный характер социальных норм. Впервые представлены авторские модели управления символическим капиталом: институциональные, габитусные и смешанная.

Ключевые слова и словосочетания: П. Бурдьё, символический капитал, управление, модели, социальный риск, габитус, институция.

УДК 316.7
ББК 60.56

М.В. Демидова

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ

Социальные системы ориентированы на человека, поэтому их функционирование обусловлено особенностями человека как существа, имеющего биологические и небιологические потребности, способности и цели к осуществлению деятельности. Каждый человек в той или иной степени обладает символическим капиталом, что делает возможным его влияние на ситуацию в организации и в социуме в целом, а соответственно, на процессы социального управления. В настоящее время вопросы управления символическим капиталом социальных и организационных систем находятся в малоизученном, а поэтому почти нереализуемом состоянии, что чревато социальными и организационными рисками. Требуется разработка возможных методологических подходов и моделей управления символическим капиталом во избежание социальных рисков и повышения эффективности управления. Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо проанализировать специфику функционирования символического капитала.

Символический капитал, согласно автору данного понятия П. Бурдьё, это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [1, с. 231]. Клиентелой П. Бурдьё назвал «социальные отношения зависимости» [2, с. 272], строящиеся на основе стратегии накопления доверия, чести, направляемые и регулируемые габитусом как образом жизни социальной группы.

Поскольку символический капитал – явление социальное, сначала рассмотрим пространство его функционирования, то есть современный социум. Глобализирующее в социальном масштабе развитие информационно-коммуникативных технологий способствует, во-первых, все нарастающей интеллектуализации труда, что ведет к изменению понятия «капитал» с материальной его характеристики на символическую, то есть информационную. Во-вторых, происходит изменение социального пространства, а именно его выход за национальные рамки в процессе глобализации. В-третьих, как следствие возникает новая социальная стратификация, основанная на функционировании в новом социальном пространстве символического капитала, главные характеристики которого – знание и доверие на основе знания. В основе такой стратификации лежат два основных класса: символические капиталисты, уже имеющие большой символический капитал, и символические рабочие, начинающие его зарабатывать. Эти новые классы различаются степенью адаптированности к современной социальной ситуации, очень подвижны, имеют свои закономерности взаимодействия и новую среду – информационную, в которой функцию социализации выполняют в наибольшей степени средства массовой информации. В итоге складывается новое функциональное пространство – глобальное, а соответственно, и глобальное общество. Происходит переустройство социального порядка, принципов его организации и функционирования.

Так как сфера функционирования символического капитала социальная и отношения в социуме строятся на основе опыта, зафиксированного в знании, содержащем оценки воспринимаемых единиц социума, то на основании этих оценок делаются выводы о количестве и качестве символического капитала. По мнению немецкого философа-неокантианца Э. Кассирера (на работы которого часто ссылался П. Бурдьё), весь человеческий опыт представлен в ряде символических форм. К числу основных форм он относил язык, миф и науку. Напомним, символическая форма, согласно Э. Кассиреру, это ступень познания, где наука – наивысшая ступень [3]. С нашей точки зрения, можно определить *форму символического капитала* в качестве *познавательной стратегии социального функционирования*. Следовательно, *формами символического капитала* по степени его познания выступают: 1) *нерефлексивная форма*, представленная мифологическим, религиозным и обыденным мышлением, и 2) *рефлексивная*, представленная научным мышлением. Ключевым для определения специфики символического капитала является понятие «доверие» как «установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения – подчинение авторитету» [4, с. 5]. В философском смысле доверие может быть *нерефлексивным* и *рефлексивным*. Рефлексия выступает в качестве деятельности самопознания, она есть осознание окружающего мира.

Основной средой функционирования *рефлексивной формы символического капитала*, на наш взгляд, выступает институциональный уровень развития социума, где его регулирование осуществляется посредством формальных норм, отраженных в правовой системе. *Среда нерефлексивной формы символического капитала* – габитус, где социальное взаимодействие основывается на нерефлексивных индивидуальных и коллективных социальных практиках (традициях, обычаях, ритуалах и др.). Сам П. Бурдьё также выделил два вида символического капитала – диффузный и объективированный. Такое разделение осуществлено не по характеру восприятия знания (рефлексивному или нерефлексивному), а по характеру социального признания: диффузный символический капитал присущ габитусу и «есть только результат коллективного признания»; объективированный символический капитал «кодифицирован, делегирован, гарантирован государством, короче – бюрократизирован» [2, с. 239]. В обоих случаях разделения символического капитала на два вида присутствует закрепление за ним социально-эпистемологического статуса в пространстве социального познания и функционирования.

Исходя из данных рассуждений, можно заключить, что специфика современных социальных отношений – эпистемологическая, так как напрямую связана с социальным познанием, в котором определяющее значение имеет символический капитал как стратегия накопления кредита доверия в процессе социального взаимодействия и показатель включенности индивида в социум. В качестве одного из основных инструментов реализации стратегии символического капитала выступает язык как коммуникатор между членами социума, выполняющий функцию социализации, а также трансляции знаний и человеческого опыта. *Среда функционирования символического капитала* – информационная, поэтому современная активизация стратегии символического капитала есть следствие активизации глобального единого структурно-функционального поля – информационного или символического. Следовательно, модели управления символическим капиталом полностью или аспектно будут иметь информационные характеристики.

На современном этапе научного знания управление понимается как «преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение поставленной цели» [5, с. 60]. Так как сфера функционирования символического капитала социальная, то в понимании понятия «управление» будем исходить из объяснения его специфики философом и социологом А. Гидденсом, согласно которому «власть в социальных системах подразумевает регулярные отношения автономии и зависимости между акторами или коллективами в контексте социального взаимодействия» [6, р. 15–16]. А. Гидденс, так же как и П. Бурдьё, посвятил свои исследования изучению вопросов взаимосвязи социальной структуры и действия. Но именно П. Бурдьё смог выявить динамический фактор такой взаимосвязи, в качестве которого выступил символический капитал как социальная стратегия поддержания и одновременно преобразования социальной реальности: «Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической власти стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, образующих структуру социального пространства» [2, с. 80]. Символическая

власть определена П. Бурдые в качестве власти «конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок» [2, с. 89]. Здесь символы – инструменты социальной интеграции: «как инструменты познания и общения они делают возможным консенсус по поводу смысла социального мира» [2, с. 91].

Для того чтобы определить возможные модели управления символическим капиталом, необходимо выявить принципы функционирования его социальных уровней – институции и габитуса. По определению П. Бурдые, «институция, понимаемая как то, что уже институировано, эксплицировано, производит одновременно эффект содействия и подтверждения законности и в то же время – ограничения и лишения прав» [2, с. 182]. Институция является порождением габитуса как образа жизни социальной группы, поэтому его институциональное регулирование возможно только в том случае, если регуляторы габитуса и институции сходны. Такими регуляторами выступают законы или нормы. Но в случае с институцией они носят формальный характер, то есть так называемые «писанные законы», а в случае с габитусом – неформальный, то есть «законы неписанные» (традиции, обычаи).

По определению, закон – это конвенция, то есть договоренность. В случае с формальным (юридическим) законом конвенция есть результат договоренности делегированных социумом лиц – депутатов. В случае с неформальным законом она есть результат исторического опыта конкретного габитуса. Разделение законов на формальные и неформальные происходит по причине рассогласования интересов габитуса и его делегатов. После получения властных полномочий делегаты, достигнув очередной институциональной конвенции, транслируют негабитусные ценности или ценности небольших конкретных габитусных групп, оказавшихся в меньшинстве в процессе голосования делегатов от разных габитусов. Результатом стал формальный закон, выражающий интересы большего по количественному составу габитуса.

Таким образом, принципом функционирования габитуса выступает *наличие социального доверия*, а принципом функционирования институции – *наличие контроля*, то есть *принцип социального недоверия*. Причиной институциональной нерегулируемости габитуса является несоответствие принципов функционирования институтов и габитуса. Следовательно, для дальнейшего взаимодействия институтов и габитуса на уровне их регулирования нужно найти нечто общее для них. Таковым является наличие норм и правил, в соответствии с которыми одновременно регулируются (изнутри и внешне) и габитус, и институция. На этом основании, а также исходя из того, что основными структурообразующими элементами процесса управления являются объект, субъект, цели, средства, результаты, условия и контекст, можем предложить следующие теоретические схематичные модели управления символическим капиталом.

1. Габитусные модели (дискурсивная, рекурсивная, синергетическая, «третий лишний», марионеточная). Согласно П. Бурдые, «вся история социального поля представлена в двух формах: в материализованной – в институтах, и в инкорпорированной – в диспозициях агентов, усилиями которых функционируют данные институты и за которые эти агенты борются» [2, с. 39]. «Совокупность диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения определенным качественным образом составляет габитус» [2, с. 32], в связи с чем основным отличием габитусных моделей управления символическим капиталом высту-

пает их неинституциональное воспроизводство. Форма контроля может быть как габитусной, то есть внутренней, так и внешней – институциональной.

Дискурсивная модель. Основным инструментом реализации стратегии символического капитала выступает дискурс как процесс языковой деятельности, так как сфера функционирования символического капитала информационная. Дискурсивное управление в социальной сфере означает, что действия порождаются сознанием и воспроизводятся социальными структурами. Новое интеллектуальное поле дает начало социальным изменениям, которые в свою очередь ведут к изменениям в экономической, политической и других системах. В условиях глобализации риски дискурсивного управления напрямую связаны с целями субъектов управления, сосредоточивающих у себя власть: «Власть оказывается в руках тех, кто имеет возможность и способности создавать и моделировать новые дискурсы и культурные коды, конструировать новую реальность» [7, с. 35]. Риск данной модели состоит в вероятности применения «стратагем как обманно-манипулятивных технологий» [8, с. 118], более эффективно используемых именно в информационном пространстве, что может оказать прямое воздействие на символический капитал. Данная модель управления предполагает внедрение нужных субъекту управления дискурсов в информационное социальное поле с целью изменения представлений о чем-либо у объекта управления. «Символизм становится... фоном языковых презентаций – в форме мифа, предания, культовой деятельности, выделения и обособления сферы сакрального и редукции этой сферы к социальной институции особого рода» [9, с. 53]. Такое управление тем успешнее, чем большее доверие вызывает дискурс. Основные средства управления – информационные.

Рекурсивная модель. Она обратна дискурсивной, так как при таком управлении не действия порождаются сознанием, а осознание и социальные процессы и структуры осуществляются посредством практик. Данная модель социального управления в целом была проанализирована А. Гидденсом. Применительно к символическому капиталу она в политической форме несколько лет назад выдвигалась в качестве лозунга «Верьте только делам!» в программе одной из российских политических партий. Основные средства управления – реальные действия. Такая модель более эффективна. В отличие от дискурсивной, чреватой неоднозначностью понимания интерпретируемых событий по причине отсутствия опоры на факты и доказательства реальности событий, явлений и процессов, рекурсивная модель управления символическим капиталом в первую очередь основана на социальной реальности.

Синергетическая модель. Синергетический подход к управлению предполагает видение объекта управления в качестве самоорганизующейся системы. Задача субъекта – координировать этот процесс в нужном направлении, принимая во внимание возможную неопределенность объекта управления и флуктуации. Иными словами, данная модель полностью зависит от условий и контекста управления и означает постоянное корректирование не только средств, но и целей управленческого процесса. Сегодня для социальной сферы данная модель наиболее актуальна по причине демократизации социума и его управления. Следствием демократизации является активизация разности во взглядах, мнениях, что чревато социальным распылением, раздробленностью и впоследствии вероятностью распада социума. В случае с управлением символичес-

ким капиталом данная модель наиболее сложная, так как центр силы (символический капитал) может быть не одним, а множеством центров, способных дрейфовать в социальном пространстве в зависимости от флуктуаций, изменяющих условия и контекст управления и, как следствие, его цели и средства. На наш взгляд, основные усилия при применении синергетической модели управления символическим капиталом следует направлять на удержание одного центра силы (центра доверия) с целью сохранения целостности социума.

«Третий лишний». Данная модель предполагает осуществление действий с целью посорить противников, тем самым нарушив доверительные отношения между ними, для того чтобы они сами нейтрализовали друг друга, или помирить их, то есть восстановить доверие, оставаясь при этом по возможности максимально невидимым в осуществлении своих действий. Логически данная процедура сходна с математическим доказательством того, что дважды два не четыре, а пять; для доказательства этого нужно ввести в процедуру доказательства дополнительную (третий лишний) переменную величину. Основные средства управления – реальные или информационные действия, нацеленные на достижение цели.

Марионеточная модель. Марионетка – это кукла, приводимая в движение посредством нитей. Марионеточное управление – это не представительство «кукловода», так оно выдает его. Вера в действия марионетки возможна в случае ее самостоятельной дееспособности и самоуправляемости. Одна из основных характеристик руководителя – принятие управленческих решений. Наличие же «кукловода» свидетельствует об обратном. Поэтому уровень доверия к марионетке снижается. В качестве «нитей» или средств управления, используемых в данном случае, применяются посреднические информационно-социальные технологии, например «троллинг» или «эльфинг», основная функция которых – провоцировать на определенные действия. «Тролли» занимаются в основном черным PR-ом, «эльфы» белым [10, с. 48–49]. Часто они выступают в качестве социальных марионеток, пытаясь своими действиями влиять на общественное мнение, которое имеет большое значение при демократическом стиле управления.

2. Институциональные модели (централизованная, правовая). Институциональная сфера является основной средой функционирования *рефлексивной формы символического капитала*, поэтому модели управления им здесь отличаются обоснованностью, достоверностью, логичностью, проверяемостью, последовательностью, аргументированностью, реалистичностью. Форма контроля – институциональная.

Централизованная модель. Данная модель управления символическим капиталом обратна синергетической. Она основана на наличии одного центра силы (центра доверия), принимающего решения, что позволяет ему более эффективно контролировать социум. Основные средства управления – правовые.

Правовая модель. Правовая модель управления олицетворяет собой формально-законное регулирование социальных и организационных отношений. Специфика такой модели управления – осуществление управленческой деятельности в соответствии с законодательством государства. Уровень доверия оценивается с учетом соответствия субъекта и объекта управления нормам права. Недостатком данной модели может быть излишняя формализация действий, доходящая даже до их симуляции, осуществляемой ради соответствия формаль-

но-правовым нормам. При симулировании реальности «знаки уже не маскируют присутствие или отсутствие внешней для них реальности» [9, с. 53], они создают обман видимостей. Средства управления – правовые.

3. Смешанная (экспертная) модель. Некоторые модели управления могут относиться одновременно и к габитусным, и к институциональным, так как имеют сходные средства управления. К такому типу моделей принадлежит, например, *экспертная*.

Экспертная модель. Экспертная деятельность – основная техника управления символическим капиталом. Институциональность или габитусность экспертизы зависит от принадлежности экспертов к тому или другому уровню социального взаимодействия. На институциональном уровне в качестве экспертов выступают дипломированные институцией специалисты, например ученые; на уровне габитуса это маги, астрологи, предсказатели и другие представители ненаучных и обыденных дискурсов. Риск данной модели управления – смешение истинных и надуманных знаний и мнений, что в перспективе чревато отходом от истины. В частности, свободная электронная энциклопедия «Википедия» – пример научных слухов на обыденном уровне, где всеми желающими, а не обязательно специалистами, *анонимно* представлена часто недостоверная информация, что в перспективе может снизить профессиональный уровень студентов, использующих ее для обучения. Формами контроля при применении данной модели выступают и габитусные, и институциональные нормы.

Все три представленные типа моделей управления символическим капиталом полностью или аспектно имеют информационные характеристики, поэтому главным способом минимизации рисков управления на институциональном и габитусном уровнях выступает повышение мер по достижению информационной безопасности.

Таким образом, в результате проведенного исследования проанализирована специфика функционирования символического капитала на институциональном и габитусном уровнях взаимодействия социума, а также впервые предложены восемь схем новых теоретических моделей управления символическим капиталом: дискурсивная, рекурсивная, синергетическая, марионеточная, «третий лишний», централизованная, правовая и экспертная. Главная цель предложенных моделей – повышение эффективности управления посредством минимизации социальных и организационных рисков. Кроме того, выявлены социально-эпистемологический статус и динамический характер стратегии символического капитала, определяющие формальный и неформальный характер социальных норм, что нацеливает на дальнейшие исследования социальной динамики в условиях символического капитализма. Полученные результаты исследования могут быть полезны в сфере социального управления, в социально-философской науке, социальной теории и практике.

Библиографический список

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2007.
3. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. М.; СПб., 2002.

4. *Неважай И.Д.* Знание, вера, доверие и научное образование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 3. С. 3–6.

5. *Диев В.С.* Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 59–66.

6. *Giddens A.* The Constitution of Society: The Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

7. *Орлов М.О.* Дискурсивное управление социальной динамикой глобальных процессов: социально-политическая сфера // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 34–40.

8. *Барышков В.П.* Макиавеллизм и стратагемность как способы политической и повседневной деятельности // Известия Саратовского университета: Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2010. Т. 10, № 1. С. 116–120.

9. *Фриуф В.А.* Языковая парадигма русской философии // Известия Саратовского университета: Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, № 3. С. 49–55.

10. *Акулич М.М.* Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 47–54.

I.D. Lobanov
Modern Conceptions
of Virtual Reality

The basic theoretical approaches to the virtuality definition are analyzed. The basic ideas of the ontological status of virtual reality are considered. The need for the scientific study that is able to perform the methodological role in the modern scientific cognition of virtual reality is substantiated.

Key words and word-combinations: virtual reality, ontology of virtuality, conception.

Анализируются основные теоретические подходы к определению виртуальности. Рассматриваются представления об онтологическом статусе виртуальной реальности. Обосновывается необходимость научного исследования, способного исполнить методологическую роль в современном научном познании виртуальной реальности.

Ключевые слова и словосочетания: виртуальная реальность, онтология виртуальности, концепция.

УДК 070:004
ББК 76.0

И.Д. Лобанков

СОВРЕМЕННЫЕ
КОНЦЕПЦИИ
ВИРТУАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

Стремительное развитие компьютерных технологий, в частности систем графического моделирования, вывело диалог человека с машиной с помощью тексто-графической информации на новый, более качественный уровень. Современные устройства виртуальной реальности, позволяют человеку погрузиться в мир визуальных образов, эмоций, чувств, сгенерированных компьютером, и воспринимать альтернативную реальность, отличающуюся от константной. Внедрение в повседневную жизнь человека технологий, способных погружать человека в виртуальную